

УДК 615.851.111: 616-08

ВЕРА И ЗНАНИЕ: ГОРИЗОНТЫ ДИАЛОГА

Е.А. Евстифеева

ФГБОУ ВПО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь

Анализируются гносеологические основания для построения диалога веры и знания в контексте возобновляемой в философском дискурсе проблемы растущего симбиоза веры и знания, интеграции научного и религиозного мировоззрения в целостную картину мира.

Ключевые слова: философский дискурс о диалектике веры и знания, конструирование диалога веры и знания.

Одни хотели бы понять то, во что верят,
другие – поверить в то, что понимают.

Е. Леу

Проблематика веры и знания (в мировоззренческом контексте – веры и разума) представляет собой как традиционный философский дискурс, так и по-новому звучащую в познании тему возможностей диалога веры и знания в глобальном векторе трансформаций культуры, науки, теологии. Масштаб проблемы веры и знания (разума) задается и мировоззренческими (онтологическими, аксиологическими), и методологическими (гносеологическими) проекциями. Среди инициаторов актуализации «древней» проблемы обозначения границ веры и знания в познании стали в XXI в. такие события и факты, как возобновление теоретических споров о границах познания, о переосмыслении границ объективного и субъективного в науке, роли веры в познании, о природе предпосылочного знания, а также религиозный (догматизм) и научный (сциентизм, позитивизм, редукционизм) фундаментализмы, кризис ценностей христианства и научного рационализма, экзистенциальный поворот к «к самому себе» не как к субъекту, к личности, а как путь к моему бытию, которое всегда уже бытие-в-мире и бытие-с-другими и др. Такой широкий диапазон примеров вновь актуализирует рефлекссию над философскими концептами «знания» и «веры», их «диалектикой», основаниями их «взаимозаменяемости» в различных исследовательских контекстах.

Разведение вероятных установок и знания важно учитывать в связи с иницируемыми в настоящее время междисциплинарными (по сути) дискуссиями различными научными неинституциональными субъектами [1]. Речь идет об интеграции научного и религиозного мировоззрения, о новом мировоззренческом синтезе, о симбиозе знания–веры, о создании интегрального научно-религиозного дискурса. Способами решения достижения диалога между наукой и религией предлагаются саморефлексия, индивидуальное самовопрошание, обращение к научной совести, личности верующего и т. д. Среди результирующих

эффектов предполагается достижение интеллектуального единства человечества, религиозно-научного творчества и т. п.

Согласно нашему видению, в такой ситуации «обострения гносеологической неопределенности» скорее заявляется и актуализируется попытка найти симптомы интегральной веры, через неё усмотреть движение к духовному синтезу. Будучи одной из мыслимых форм веры в будущее, интегральная вера, в арсенал которой включено все позитивное многообразие индивидуального и коллективного духовного опыта, является адекватной смысложизненным проекциям современности, способным противостоять нарастанию абсурда, утрате жизнеутверждающих смыслов, конфликтам человечества. Именно она, во всей своей многомерности, способна содействовать стремлению человека (а через него науке, теологии, культуре) гармонично «самоопределяться и самореализовываться» в быстро меняющемся мире. Предложенный нами интегральный подход к анализу феномена веры позволяет преодолеть редукцию феномена веры, узкую его интерпретацию, разделение онтологического, гносеологического, аксиологического, интенционального значений веры, что влечет все многообразие ее реального содержания [2].

Как нам представляется, для более точного определения границ веры и знания, понимания их динамической сущности важно различать аналитический, содержательный и формальный аспекты феноменов «знания» и «веры» и соответственно их взаимодействия. На примере проведенного нами феноменологического анализа веры и знания продемонстрируем комплементарность веровательных установок и знания. Понятие «веры» введено нами в философский дискурс в широком смысле: «Взятая в своем широком смысле вера представляет собой акт принятия чего-либо (как истинного, ценного, справедливого, целесообразного, возможного) в условиях отсутствия или невозможности достаточного обоснования. Как философское понятие вера несет в себе по меньшей мере четыре «измерения», в которых наиболее полно раскрывается его содержание, а именно: онтологическое, гносеологическое, аксиологическое и праксиологическое. Эти четыре «измерения» задают основные планы философского анализа феномена веры. Они диалектически взаимополагаемы, но ни одно из них не может быть редуцировано к другим» [там же].

Выделение в аналитическом плане содержательного и формального параметров веры позволяет наметить основание для упорядочения и классификации форм, типов, видов верований, как бы отвлекаясь от всего бесконечного их содержательного многообразия, а с другой стороны, дает возможность дискурсивного анализа вопросов, связанных с предметом веры, с описанием типичных различий верований по их предмету (содержанию).

В онтологической проекции вера является наиболее стойким структурным образованием в структуре субъективной реальности. Она образует своего рода динамический гештальт, выступает как самоорга-

низующаяся структура, поддерживающая свою целостность и определенность. Динамическая характеристика веровательной установки фиксирует роль переходных состояний, которые обычно описываются терминами склонность верить, недоверие, скептическое отношение. В интервале между верой и неверием располагаются многочисленные переходные состояния, нередко осциллирующие в определенном временном диапазоне, создающие состояние субъективной неопределенности.

Вера выполняет санкционирующую, стабилизирующую, регулирующую, аккумулирующую, эвристическую функции. Она служит преодолению неопределенности, так как выполняет компенсаторную функцию. Вера в полном своем значении исключает сомнения или колебания, она есть твердое согласие, одобрение или отрицание, выполняет стабилизирующую функцию для сохранения целостности сознания, его наличных ценностно-смысловых, коммуникативных структур в условиях противоречивости мотивов, потребностей, интересов. «Воодушевляющая» функция веры символизирует состояние упования, твердой надежды. Вера вызывает прилив сил, повышение уверенности в себе, укрепляет волю, создает мобилизирующий эффект. Веровательная установка выступает как форма санкционированного чувства «истинности», «правдивости». Она как бы «настраивает» на достижение адекватного понимания, знания о том, что стимулирует интерес и деятельность субъекта веры.

Активизирующая функция веры обеспечивает поддержание целевой установки, постоянного напряжения усилий, воли, энергии. Выступая в роли как бы потенциального резервуара знания, вера стимулирует и интенсифицирует поиск истины. Вера возникает и положительно действует на активность человека в случае преградной ситуации, создающей дополнительную необходимость выбора оптимального решения, его представления в виде модели и оценки ее, правильной мотивировки поведения и проверки решения в опыте.

В гносеологическом аспекте вера есть признание чего-либо по достаточным субъективным и недостаточным объективным основаниям. Веру можно рассматривать как механизм оптимального отображения, глубоко укорененного в бессознательной сфере. Очевидно, главная часть механизма веры относится к неосознаваемой сфере психики. Именно на этом уровне автоматически анализируется поступающая информация и рождаются «гипотезы», определяющие ранги их субъективной вероятности, что, видимо, и формирует чувство достоверного и недостоверного, своего рода субъективные критерии реального и нереального. Эта способность плюс накопленный на ее основе опыт и создают базис субъективной концепции вероятности.

Взаимоотношения веры и знания не носят линейного характера и включают многомерные, диалектические взаимопереходы. В призме актов научного (или религиозного) творчества, экзистенциальной ситуации личности, локус знания и веровательных установок остается непроницаемым.

Поэтому в субъектно-личностной интеракции веровательных установок и знания важно рефлексировать их комплементарность, когерентность.

Феномен веры не может быть редуцирован к знанию, как и наоборот, хотя вера в определенном смысле всегда есть знание, а знание неизбежно включает в себя параметр веры. Всякая система знания так или иначе включает моменты веры. Подмена знания верой, веры знанием заставляет вспоминать И. Канта, который предостерегал от опасности слияния понятий веры и знания, подмены одного другим, а также рефлексировать их различия. Понятие знания создает впечатление надежности, неоспоримости, несмотря на признание его релятивности. Его используют далеко не всегда оправданно, часто лишь для того, чтобы придать авторитетность своей позиции.

Вера, так или иначе, основывается на некотором знании, на интуитивном обобщении познавательного опыта личности. Когда речь идет о знании, то под ним понимается не только знание, получившее логическое и практическое обоснование, но и знание гипотетическое, знание, включающее в себя момент заблуждения, а также строго не обоснованное знание, содержащее вероятностные по своему характеру положения и включающее такие компоненты, которые пока принимаются на веру, вызывают ту или иную степень доверия, что стимулирует критический анализ, поиски доказательств и практических подтверждений.

Веровательная интенция всегда включена в предпосылочное знание. Предпосылочное знание (часто выступающее в форме неявного знания) играет роль своего рода фильтра в познании, поэтому научное (или личностное) творчество высокого ранга связано с рефлексией предпосылок, многие из которых носят веровательный характер, выступают в роли не встречающих опровержения аксиом. Однако предпосылочное знание не должно редуцироваться к вере. Принятие идеи, норм, принципов или парадигмы основано не только на вере, как это считал Т. Кун [3, с. 199], но и, как правило, на многих эмпирических и теоретических предпосылках, имеющих статус обоснованного знания, и эти предпосылки не могут быть унифицированы, определены только посредством понятия веры.

Корни веры обнаруживают себя в опыте и интуиции. Вера вырастает из чувственного опыта, связанного с внешним, сенситивным восприятием. На уровне чувственного отображения вера как акт принятия чего-либо в качестве несомненного выступает как механизм оправдания всякого чувственного образа. Вера порождается нечувственным опытом. К нему относятся, во-первых, неосознанные установки. Веру можно рассматривать как механизм оптимального отображения, глубоко укорененного в бессознательной сфере. Очевидно, главная часть механизма веры относится к неосознаваемой сфере психики. Именно на этом уровне автоматически анализируется поступающая информация и рождаются «гипотезы», определяющие ранги их субъективной вероятности, что, видимо, и формирует

чувство «достоверного и недостоверного». Эта способность плюс накопленный на ее основе опыт и создают базис субъективной концепции вероятности. Во-вторых, нечувствительный опыт – это осознанные установки как определенные психические, ментальные, душевные состояния, которые складываются в духовный опыт. Последний выступает как одно из существенных оснований индивидуальной личностной веры.

Взаимоотношения опыта и веровательной установки различны. Иногда вера как бы полностью подтверждается опытом. С другой стороны, вера задает рамки и способы интерпретации опыта. Возможны случаи, когда любой опыт будет «подтверждать» веру. Есть вариант, когда вера не подтверждается опытом, но последний не способен ее поколебать. Возможен конфликт между верой и опытом. В большинстве случаев в силу прочности веровательной установки этот конфликт преодолевается за счет реинтерпретации данных опыта в пользу веровательной установки. Реже данные опыта колеблют веровательную установку и ведут к ее изменению или же к состояниям сомнения, при которых веровательная установка утрачивает прежнюю действенность.

Веровательная установка, которая всегда включена в систему познавательной деятельности, влияет на процесс понимания. Понимание во многих существенных отношениях предопределяется веровательной установкой. Механизм понимания – это способ установления соответствия различных эмпирических данных, фактов, языковых сообщений некой веровательной структуре. Само соответствие такого рода нередко весьма неопределенно. Поскольку веровательная установка санкционирует разнообразный материал, она тем самым задает границы его интерпретации. Если границы интерпретации слабо рефлексированы, то это способно повлечь феномен легковерия, который выражает экзистенциальную потребность верить в желаемое. Если границы интерпретации жестко рефлексированы, то возможно проявление другой крайности – фанатизма.

Когда степень соответствия воспринимаемого веровательной установке высока, акт понимания происходит мгновенно. Понимание в этом случае означает мгновенную идентификацию. Понимание предполагает полную ясность, отсутствие сомнения, поскольку соответствует механизму идентификации. Экзистенциальная потребность веры делает диапазон приемлемой интерпретации воспринимаемых событий весьма широким. Отсюда механизм идентификации как бы «послушен» субъекту. «Разгадка», т. е. достижение понимания «для себя» есть преодоление препятствия в процессе поддержания целостности «Я». Если «загадка» не может быть «разгадана», то тогда все, что остаётся непонятным, либо вытесняется, либо относится к категории нереального, полагаемого не существующим. Полное непонимание означает, что новая информация «отталкивается» веровательной установкой. Часто веровательная установка по своей структуре плохо оформлена, определяется

интуитивными посылками, не поддающимися логическому анализу и упорядочению. Конечно, длительно «проигрываемые», устойчивые веровательные установки постепенно рационализируются. Несмотря на то что это неподлинное обоснование, субъективно они выглядят достаточно рационализированными.

Веровательные установки могут способствовать поиску необходимой новой информации, нового понимания привычной информации. Однако вместе с тем веровательные установки способны блокировать восприятие новой информации, вытеснять ее. Блокируя информацию, вера как бы замыкает горизонт для восприятия нового. Вера как пред-рассудок отменяет многое, действуя приблизительно так же, как механизм компенсации. Такая догматичность веры, как правило, обусловлена влиянием авторитетов, идеологических клише, социальных установок. Ограничивая человека в восприятии нового, веровательная установка как бы выражает типичную черту природы человека, его склонность к самообману. Вместе с тем веровательные установки играют роль своего рода предохранителя, т. е. спасают от бездны неизведанного, непонятого, необъятного. Всякое преодоление наличной веровательной установки есть расширение горизонта видения, способ изменения мировосприятия, понимания. Вера может способствовать поиску необходимой новой информации, нового понимания привычной информации. Или, наоборот, веровательная установка способна блокировать восприятие новой информации.

Феномен веры несет в себе проекцию в будущее, задает определенную направленность активности человека, связан с целеполаганием и стимулирует сложный, противоречивый процесс целереализации. Особенно существенна роль веры в экстремальных, кризисных условиях и наиболее трудных фазах жизнедеятельности, когда от человека требуется максимальное напряжение духовных и физических сил, чтобы преодолеть неопределенность, мучительные противоречия, нарастающие препятствия на пути к цели. В таких ситуациях вера обеспечивает сохранение оптимистической перспективы.

Вера представляет отображение наличного сквозь призму наиболее значимых смыслов под углом зрения желаемого или ожидаемого будущего. Вера обеспечивает поддержание целевой установки, внутреннего напряжения, питает, как уже отмечалось, энергию, волю. Характер веровательной интенции обусловлен мотивами, потребностями, ценностями и целями субъекта, которые подлежат диагностике для того, чтобы можно было установить подлинный личностный или социальный смысл данной интенции.

«Красивые» конфигурации обнаруживают вера и знание при встрече с предпроблемной и проблемной ситуациями, напоминая о стоическом вопрошании – в «знании о незнании» Сократа, в «ученом незнании» Н. Кузанского, в фундаментальном сомнении Р. Декарта, в

антиномиях И. Канта, в «ужасе» (Angst) встречи с Ничто М. Хайдеггера и т. д. В условиях предпроблемной ситуации возникают первичные симптомы нового знания о незнании, которые пока еще не могут быть ни подтверждены, ни опровергнуты [4, с. 67]. Такая ситуация сопровождается чувством необычного, удивлением, особой интенсивностью интереса, коллизией веры, сомнения, знания, она означает новую ориентацию активности личности, стремление уменьшить неопределенность, обрести уверенность в реальном существовании неизвестного ранее объекта познания и в необходимости его исследования. Вера здесь обусловлена внутренней потребностью понять, объяснить то, чего личность не знает, не понимает. Вера выступает как внутренний выбор и связана, как говорил М. Полани, с эвристическим ожиданием [5, с. 316]. Вероятельная установка в ситуации «муки творчества» вначале выражается весьма неопределенно. Она не связана с каким-либо конкретным содержанием, а характеризует стремление к цели и утверждает эту цель как подлинную, личностно значимую и достижимую.

В проблемной ситуации вера выступает как творческий фактор, выполняет прогностическую функцию, несет в себе проекцию в будущее, задает определенную направленность активности субъекта, связана с целеполаганием и стимулирует сложный, противоречивый процесс целереализации. Подрыв вероятельной установки ведет к резкому снижению личностной активности.

Актуализируемые проблемной группой «Симпосион» (М. Эпштейн, А. Буров, А. Цвелик, М. Аркадьев) вопросы о преодолении соперничества научного и религиозного фундаментализмов, о построении более полной картины мироздания, о преобразовании оснований современной науки и т. д. подлежат дополнительному обсуждению, аргументации [1]. Важно понимать, что предложенный дискурс о новом мировоззренческом синтезе затрагивает пока лишь узкий, религиозный смысл веры, «содержание», символы (научной или религиозной) веры и знания, «предметные» аспекты возможного диалога веры и знания. Речь идет о потере «своего» предмета как для науки, так и для теологии, отчего вера (в научные символы или религиозные) теряет качество интенциональности. Исповедует научное или религиозное мировоззрение человек (субъект, личность, коллектив), поэтому мы предлагаем расширить контекст обсуждения этой темы до саморефлексии, субъектных и когнитивных особенностей, личностных и социальных ожиданий. Так, например, дискурсивное знание сегодня акцентирует внимание на рискогенности любого познавательного (и социального) действия субъекта. Субъекту риска не дано заранее и гарантированно устанавливать границы своих возможностей. Неопределенность любой ситуации, неполнота знания и определенная доля риска – условия, необходимые для поиска и выявления новых способов «когнитивной» идентификации. На этом пути вероятельные установки предстают как традиционный и новатор-

ский способ «самозащиты» субъекта от риска, от гносеологической и аксиологической неопределенности.

Не подлежит сомнению тот факт, что дальнейшее изучение динамики, диалектики веры и знания означает изучение различных тенденций и механизмов их трансформаций, расширение горизонта их взаимодействия. Можно предположить, что соотношение роли знания и веры, взятого в мировоззренческом контексте, будет продолжать меняться. Вектор этого изменения направлен на снятие, например, таких научных «тупиков», как сциентизм, позитивизм, редукционизм.

Список литературы

1. Аркадьев М., Буров А., Цвелик А., Эпштейн М. Как разрушить преграды между истинной верой и чистым знанием // Новая газета. № 4. 17.01.2014. Электронный ресурс / <http://www.novayagazeta.ru/comments/61797.html>
2. Евстифеева Е.А. Феномен веры: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1995.
3. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 300 с.
4. Дубровский Д.И. О диалектических взаимосвязях категорий знания и незнания // *Философские науки*. 1985. № 3. С. 63–73.
5. Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985. 344 с.

FAITH AND KNOWLEDGE: HORIZONS OF DIALOGUE

E.A. Evstifeeva

Tver State Technical University, Tver

The author analyzes the epistemological foundation for dialogue between faith and knowledge in the context of renewable in philosophical discourse with the growing symbiosis of faith and knowledge, integration of scientific and religious worldviews into a coherent picture of the world.

Keywords: *philosophical discourse of the dialectic of faith and knowledge, constructing a dialogue between faith and knowledge.*

Об авторе:

ЕВСТИФЕЕВА Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, проректор ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет», Тверь, E-mail: pif1997@mail.ru

Author information:

EVSTIFEEVA Elena Alexandrovna – Ph. D., Prof., Vice-president of Tver State Technical University, Tver. E-mail: pif1997@mail.ru